

Анна Звёздкина родилась 16 июня 1989 г. в г. Дзержинске Нижегородской области. По образованию лингвист-переводчик, а также музыкальный руководитель, учитель музыки. Регулярно принимает участие в различных обучающих литературных семинарах, имеет публикации в журнале «Нижний Новгород», альманахе «Земляки» и других литературных сборниках. Является призёром областных и всероссийских поэтических конкурсов. В 2022 г. издан сборник авторских стихотворений «Фарватер». Проживает в Нижнем Новгороде.

Анна Звёздкина
г. Нижний Новгород

Хрущёвка. Не своя – в аренду.
Нехитрый «пополамный» быт.
Гудит, как шмель, на кухне блендер.
Мужчина в комнате сидит.
Он словно арендован тоже,
Искусный ликвидатор грёз.
Его присутствие тревожно
В пространстве виснет, как вопрос.
Сожитель. Горький жжёный кофе.
Живую душу гложет жуть.
Меж рёбер тлеет мнимый профиль -
Сгорит, поди, когда-нибудь.
Поднимешься ли зыбкой ранью,
Устало рухнешь ли в постель –
На фоне груза несгоранья
Туманного молчанья мель
Звучит саднящим лейтмотивом.
Полужена, полужива,

Стоишь, улыбишь губы криво,
Твердишь: «Халва, халва, халва...».
Но станет слаще ли? Ночнушка
С плеча сползает невзначай.
И не вмещает кофе кружка.
И льётся кофе через край.

Довольствуюсь крупичами,
Трухой фальшивых нот.
И стыдно перед птицами,
Что предаю полёт.
Мечтами покалечена.
Душа, как решето.
Грешу, о мой не встреченный –
С чужим делом гнездо.

Окно

Бьётся шмель в закрытое окно,
А соседнее – отворено.
Шмель упрям и не жалеет сил.
Думает, в ловушку угодил.
У шмеля в душе темным-темно.
Человеку ж в комнате – смешно.
Человек догадлив и умён.
Верит, что венец творенья он.
Бьётся шмель в стекло ещё сильней.
Вон же небо, зелень тополей –
Настоящий законный рай!
Созерцай, а после – погибай.
Только мы – намного ли умней?
Люди – это копии шмелей:
Всё стучат в закрытое окно,
А соседнее – отворено.

Мне без оглядки от людей бежать бы прочь
За крепостные стены вдумчивого сада,
Неспешно землянику раннюю толочь,
Над соловьиной трелью ставить знак «фермата».
Общаться с ирисом, сиреневым кустом -
Да хоть бы даже с сорняками у забора.
Растения не лепят сплетен грязный ком,
Не льстят, не разжигают бестолковой ссоры.
Бежать, бежать, как лань от хищника. Туда,
Где некому царить и некем притворяться.
Смертельная усталость от людей – года
Она копилась тайно под покровом глянца
Моих беспомощных «простите, господа
За то, что не вполне и не для всех удобна».
Мне б жить без суеты и глупого стыда,
Мне жить бы в тишине – почти внутриутробно.
Мне б спрятаться, чтоб не вернули, не нашли,
Чтоб только небо меж ветвей, стихи в тетрадке...
Мне б от людей бежать, бежать на край земли.
Мне от себя самой бежать бы без оглядки.

Бабушка

Из подпола тянуло горькой сыростью,
И слышно было в вязкой тишине,
Как рисовала ночь, борясь с сонливостью,
Эскиз тенями яблонь на стене.
Косматым был наш сад и неухоженным,
Был прост и скромн домик на холме:
Иконка, хлам в комодe перекошенном
И вечность в узелочках макраме.
Мне было семь. И было полдесятого
Примерно на часах. И смутный страх
Стоял за шторой. И густое зарево
Закатное болело в небесах.

В углу, угрюмая, отяжелевшая,
Наохлилась нетопленая печь.
А бабушка из сада потемневшего
Не шла никак. И я, не смея лечь,
Её ждала. И чудилось мне издали –
Мятежник-сад взбесился, одичал.
И ширился, и рвался в небо мглистое,
И домик ветхий в кулаке сжимал.
И обрастал ночной пейзаж гротесками:
Зелёной паутиной колдовской,
Причудливым узором арабесковым,
И всё терялось в дикости лесной.
И не вещами вовсе, а стихиями
Был полон мир, и не было людей.
Развоплощенье, магия, алхимия...
Но вот – привычно резкий скрип дверей,
И входит бабушка. – Ты чтот поздно-то?
- Да огурцы полола в парнике...
Пропахло платьё жижею навозною,
И паучок уселся на платке.
Такая заново живая, громкая,
Как будто отнятая у стихий,
Сидит у печки и газеты комкает,
И поджигает спичкой. И сухим
Вдруг пахнет деревом. Шипят смолистые
Поленья, и глядит в окно луна.
И чашка чая с земляничным листиком
Особой тайной до краёв полна.
- Ещё чайку? – Ага. Ты знаешь, бабушка,
Боялась я – вдруг не придёшь назад.
- Ну что ты, внучка? Я в теплице, рядышком...
Не время мне... И опустила взгляд
Она задумчиво... И время было ей
Однажды – не раздался скрип дверной,
Не разгорелась бодро печка стывшая.
Но где-то сад возделан неземной.

Июнь

Разобиделась смерть, расскандалилась,
Ускользнула, лишённая прав.
Зайюнилась жизнь, зарумянилась,
Шелестит сумасшествием трав.

Накрывает цунами зелёное
Мой застенчивый старенький сад.
Захмелевшее солнце холёное
Норовит целовать всех подряд.

Разразилась с утра песнопеньями
Лягушачья несметная рать,
И пионы душистыми перьями
Тёплый воздух спешат щекотать.

Клонит ветви смородина кроткая –
Зреет ягод изысканный груз.
И дышу, и пою во всю глотку я –
Ничего, никого не боюсь.

И такое кругом изобилие,
И такая кругом полнота,
Будто в мире – ни лжи, ни насилия,
Будто смерть не придёт никогда.

Лягушонок

Там, где нежится в тумане млечном
Озера лесного лазурит,
Лягушонок крохотный беспечно
На ладони у меня сидит.

Я в пригоршню взять решила кроху.
Думала – отпрыгнет, ускользнёт.

А ему и здесь весьма неплохо.
Смотрит – даже глазом не моргнёт.

Медлит – в общем-то, закономерно,
Не спешит малютка уплыть:
Тёплую ладонь мою наверно
Принял он за детскую кровать.

А лягушкам взрослым и солидным
Спрятаться скорей велит испуг.
Опытным созданьям очевидно:
Глупо верить в безобидность рук.

Невдомёк им, полным страхов смутных,
Тем, что камнем в глубь упасть спешат:
Жизнь хранит тепло для безрассудных,
Лишь для глупых, смелых лягушат.

Недописанная поэма в стиле дзен

Смастерить простой макетик рая,
Усмирить враждебный сердцу ум,
Лечь в траву, лбом небо подпирая.
Лбом, что домом быть устал для дум.

Перестать с азартом пострадавшей
Мир в несовершенстве обвинять,
Не оплакивать листвы опавшей,
Мудро неизбежное принять.

Обнулившись, жизнь начав сначала,
Поняла я: всё земное – тлен.
А потом тебя я повстречала
И... прощай, поэма в стиле дзен.